

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ. Почему мы верим в чудо

На вопросы Натальи ЖЕЛНОВОЙ отвечает академик Виталий ГОЛЬДАНСКИЙ, советник Российской академии наук, член многих зарубежных академий, генеральный директор Объединенного института химической физики РАН.

- Виталий Иосифович, российская наука оказалась в простое. Ни сенсационных открытий, ни поступков - тишь да гладь. Это все от безденежья и невнимания?

- Наша наука бьется над гамлетовским вопросом: быть или не быть? С одной стороны, все более очевидно пренебрежительное отношение властей к жизненным интересам фундаментальной науки, смехотворный (смех сквозь слезы!) уровень ассигнований на науку. С другой стороны, резкое падение престижа науки и ученых в обществе, вместо панацеи в науке стали видеть источник всех бед.

- Люди науки отличаются от других особым предвидением, способностью к анализу. Неужели среди вас не было никого, кто бы предчувствовал происшедшее?

- В любых оценках есть пессимисты и оптимисты, легковеры и скептики, идеалисты и реалисты-прагматики. Сейчас покровительство науке рассматривается как одно из средств завоевания популярности среди интеллигенции. Мы же надеялись, что значимость фундаментальной науки будет самооценной для наших властей. Этого не получилось.

- Есть ли среди ученых яркая личность, которая могла бы хоть в какой-то мере заменить Сахарова?

- В общественном, гражданском смысле я не вижу человека, который пользовался бы огромным авторитетом и у нас, и во всем мире. В этом смысле смена поколений и омоложение науки не пошли ей на пользу. Ведь у нас был не один только Сахаров - в старшем поколении были такие замечательные люди, как Игорь Тамм, Петр Капица, Михаил Леонтович... Они были совестью науки.

Но если говорить о силах в науке, то у нас в математике есть В. Арнольд, И. Гельфанд, С. Новиков, Я. Синай, Л. Фаддеев. Это ученые высшего класса. Или такие физики-теоретики, как В. Гинзбург, Л. Горькое, Л. Келдыш. Правда, многие из наших "первых скрипок" значительную часть времени проводят за рубежом, но это - вопрос особый.

- Президентские выборы станут выбором "наименьшего зла". А как ученые это "зло" определяют?

- Очень выросла поддержка левого, коммуно-национал- патриотического направления, Зюганова иже с ним. Но есть и поддержка Ельцина, НДР. Среди ученых, мне кажется, меньшим успехом пользуется Жириновский, большим - Явлинский и другие демократические группировки, пока сильно - увы! - разобщенные.

- Как сказались "утечка мозгов" на настроениях оставшихся ученых?

- "Утечка мозгов" многолика. Есть отъезд ученых за границу. Сейчас (сужу по нашему институту) большинство тех, кто ныне за границей, не эмигранты, а выезжающие по контрактам, на временную работу, на стажировку - от нескольких месяцев до нескольких лет. Они не порывают с Россией, сохраняют гражданство, приезжают сюда, публикуют свои работы и в наших, и в зарубежных журналах.

Другой вариант "утечки мозгов" - в бизнес, в коммерцию, с уходом или без ухода с места работы.

- Может быть, уезжающие не порывают связей с Россией потому, что отсюда, как из родника, можно что-то черпать и увозить за рубеж?

- Думаю, что скорее наоборот, они черпают что-то там и привозят сюда. И в этом обоюдная польза. Ведь мы еще не совсем оскудели талантливой молодежью. Самое страшное, что может быть в "утечке мозгов", - это гибель наших научных школ, если безвозвратно уезжают учителя вместе со своими учениками. Главное - сохранить молодежный резерв и не изолировать его от мировой науки. От широкого научного международного общения, от свободы передвижения ученых мы должны не терять, а приобретать.

- Но все идет к потере молодежного резерва?

- Противодействуют такой потере разные стипендии, гранты наших и международных фондов. Но, с другой стороны, крайне пагубна невыплата зарплаты, это тяжелейший удар по науке. К нашему стыду, в некоторых академических институтах возникла коррупция, нечистоплотная финансовая деятельность ведущих фигур, вплоть до членов дирекции. Людей буквально выпихивают из лабораторных помещений (например, в неоплачиваемый отпуск) и сдают эти помещения в аренду. Арендную же плату используют не во благо института, а для собственного обогащения.

Когда говорится об уходе научных работников в коммерцию, здесь тоже есть две стороны медали. Если речь идет о продаже интеллектуальной собственности, о передаче каким-то коммерческим структурам права на реализацию тех или иных научных достижений за соответствующую оплату, то это, по существу, тот процесс, который раньше именовался внедрением. Не оставляя свою научную работу, напротив, интенсифицируя ее, сотрудники повышают таким способом уровень благосостояния. И прекрасно!

Другой же путь - бросить вовсе научную деятельность, уйти в бизнес, не имеющий никакого отношения ни к полученному образованию, ни к предыдущему опыту работы, использовать свое "серое вещество" для зарабатывания больших денег. Если угодно - "продать право первородства за чечевичную похлебку".

- Может быть, в этом Божье предначертание? Если люди не нашли себя в науке, то хотя бы найдут себя в сфере предпринимательства? То есть их "поход в науку" был случайным?

- Вполне возможно. Тем или иным путем люди стараются использовать возможности, открываемые рыночной экономикой, капитализмом. Вспоминаю мудрые слова, которые принадлежат одному преуспевающему немецкому адвокату: "То, что нам говорили про социализм, оказалось неверно, но то, что нам говорили про капитализм, оказалось верно".

- В чем, по-вашему, причина щедрости создателя столь популярного ныне фонда Джорджа Сороса?

- Прежде всего, в традиции меценатства, которая давно существует в США. Это - широкая реклама для фондодателя, к тому же деньги на благотворительные цели не облагаются налогом, так что "слава на миллиард" приобретается за существенно более скромную цену - за счет экономии на налогах. Конечно, есть и психологические факторы. Сорос становится видной фигурой не только в мире финансов и экономики, но и в мире политическом. Все это - паблисити, которое высоко ценится за границей и представляет важный фактор для меценатов.

- Насколько результативна его помощь?

- Очень результативна. Судите сами - он дал на российскую науку в 1994 - 1995 гг. 100 млн. долларов, четверть того, что выделило на фундаментальную науку государство.

Примечательно, что эти деньги поступили не в учреждения, а конкретным исполнителям на конкретные работы, на конкурсной основе.

- Не идет ли наука тупиковым путем?

- Одна из основных бед нашей науки - резкое падение ее престижа. И как следствие - все меньше молодежи идет в науку. Свою ленту здесь внесли и борзописцы, представившие наших выдающихся ученых-ядерщиков как пригостишек, работавших по добытой разведкой американским рецептам, а зарубежных корифеев науки - как советских шпионов или их пособников. А ведь завоевание и потеря престижа - это процесс самораскручивающийся. В связи с проблемами экологии развернулась широкая кампания: от науки все беды, от науки все зло. Особенно досталось энергетике и химии. И так закрутилось одно за другим.

- Но закрутилось в одну сторону... А в другую? Например, в сторону экологии или фармакологии. Можно придумать бомбу, а можно и лекарство от рака, СПИДа!

- Правильно, и многое делается, но где рассказать об этом? Нас просто не хотят услышать.

- Звание академика дается направо и налево. Зачем вы так унижаете его?

- К сожалению, звание не дается, а незаконно берется. В стране провозглашено около сотни разных псевдоакадемий. А никто никогда и не слыхивал ни об этом академике, ни о его академии. Едва ли не единственная из общественных академий, которая, с моей точки зрения, полезна и активно действует, - это Российская академия естественных наук.

У меня есть в этой связи предложение (несколько юмористическое) - ввести для академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук звание "действительный академик" и "действительный член-корреспондент".

- Как вы относитесь к появлению платных вузов?

- Это не только у нас, и в этом нет беды, если качество обучения в таких вузах достаточно высокое и их дипломы подлинно доброкачественные. Но и у нас, и за рубежом появились разные учреждения, которые стали своеобразными "ярмарками тщеславия". Нью-Йоркская Академия наук - подобие нашего Дома ученых - насчитывает 50000 действительных членов и широко рассылает приглашения вступить в ее состав всего за 105 долларов в год.

- С чем связан необычайный расцвет лженауки и псевдонауки? С потребностью общества или импотенцией ученых?

- Когда телевидение, радио, газеты преподносят разную чепуху, это, конечно, удручает. Биополя, телекинез, астрология, экстрасенсы, филиппинская медицина, потусторонний мир, в котором время идет вспять, прогибание потока элементарных частиц силой мысли - нет предела этой ерундистике, которой, к сожалению, не чужды порой и вполне уважаемые люди и СМИ.

Увы, лженаука и псевдонаука - неотъемлемые атрибуты смутного времени. Они плодят ложное

впечатление о том, что якобы наука может сделать все, что угодно. Отсюда - сарказм: "вот вам ваша наука - какую чепуху городят".

- Вам всем тоже надо учиться говорить о науке интересно, увлекательно, чтобы вас слушали, раскрыв рты!

- Но не как утешительную сказку, а как истину. Ряд хороших тому примеров (скажем, "Очевидное - невероятное") уже можно назвать. Помню свой разговор с Ландау о снежном человеке. Он сказал: "Я бы очень хотел, чтобы это было правдой, потому что нам всем присуще желание верить в чудо. Но, к сожалению, я уверен, что это неправда".

Мы алчем чуда, особенно -когда тяжело живется.

Меня интересовало, может ли рядовой ученый, сделавший выдающееся, по его мнению, открытие, колеблющее научные устои, вызвать интерес у корифеев науки и получить их поддержку? Ответ академика был таков. Если вопрос касается "святая святых", то есть главных аксиом и теорем физики, механики, то никто из приличных ученых не станет ни вникать, ни разбираться в этом "открытии". Если что мелкое, уточняющее - пожалуйста, а на большое - и не покушайся.

Может быть, поэтому у нас мало ярких открытий и сенсаций? Или, может быть, маститым ученым и так хорошо - все ясно и понятно?